

Молодежь и революция (эскиз к политическому портрету)

Когда в 1991 г. был уничтожен СССР, «самораспустился» комсомол и стало ясно, что «молодежи СССР» как реальности больше не существует, мне, как исследователю и директору Научно-исследовательского центра при Высшей комсомольской школе, предстояло изучать исключительно молодежь России и писать о ней, чего прежде мы не делали. В тот момент у меня и возникла мысль написать книгу о роли молодежи в российской истории на всех этапах становления и развития нашего общества и государства в основных сферах их жизни: в экономике, политике, науке, культуре, литературе, искусстве и т. д., с тем чтобы показать, насколько ценным и плодотворным является молодой возраст, получить дополнительные исторические аргументы в пользу идеи сознательной и сильной государственной молодежной политики в наши дни. Но осуществить эту задачу было крайне трудно: глубока наша история, а архивные и другие источники для такого исследования чрезвычайно скудны. Поэтому предварительно я прошелся по «узловым этапам» российской истории, проследив ее под заданным углом зрения, а именно какой была роль молодежи в ключевые моменты рождения новых социальных идей и политической жизни России примерно до середины 60-х годов XIX в. На этом я по ряду причин остановился. Но и то, что успел сделать, мне кажется небесполезным. Я думаю, даже этот беглый историософический очерк позволяет лучше понять ситуацию, в которой оказалась Россия в начале XX в., глубинные причины трех русских революций, которые, в сущности, представляют единое по своей природе явление, растянутое на 12 лет. Революция — это не только момент взрыва, главным образом — это процесс...

В данной статье нет никаких претензий на раскрытие тенденций в молодежном движении тех сотен лет, которые в ней затрагиваются, всех движущих сил, источников, показ всех сторон, всех его идеологов и организаторов. Для этого надо написать несколько томов. В данном случае перед читателем не более чем эскиз.

Трудно сказать, что обнаружит более докучливый и неистовый исследователь по данной проблеме в архивах и других первоисточниках, но меньше всего данных в заданном плане, я убежден, он найдет по истории Московской Руси. И не только потому, что о том периоде сохранилось мало сведений, что средняя продолжительность жизни в ту пору едва равнялась 30 годам, следовательно, о молодежи в ее нынешнем смысле просто не приходится говорить. Хотя это вовсе не значит, что не о чем говорить вообще. Ибо во все века существовала проблема «отцов» и «детей». Разумеется, это проблема как минимум двусторонняя: с одной стороны — люди старшего поколения, родители; с другой — люди молодые, дети в буквальном смысле и «дети» в смысле собирательном, социологическом.

Но и в этом плане история Московской Руси малопоучительна. Дело в том, что «отцы» и «дети» Московской Руси не знали духовного конфликта.

На этот момент необходимо обратить особое внимание: конфликт «отцов» и «детей» нельзя ни в коем случае сводить к их различиям во вкусах и взглядах на бытовую жизнь, что во все времена случалось и случается в каждой отдельно взятой семье поныне. И даже если эти различия стали массовыми, коснулись множества семей и можно говорить о них как о некоем социальном явлении, все равно надо понимать, что они вторичны. Первичным основанием подлинного конфликта «отцов» и «детей» могут быть только существенные различия во взглядах достаточно значительной массы представителей старшего и молодого поколений на смысл и цели жизни и развития человека, общества и государства, способы и формы их устройства, функционирования и т. п. Одним словом, на базовые духовные и

нравственные ценности, которые старшее поколение хотело бы передать в качестве духовной эстафеты следующим за

ним молодым поколениям через систему обучения и воспитания, через формы и методы предметно-практической деятельности. Именно в тот момент, когда младшее поколение по каким-либо причинам (речь сейчас не о них) не хочет принимать эту эстафету или стремится решительно отказаться от части передаваемого наследия как якобы (или на самом деле) устаревшего, изжившего себя, а старшее поколение не согласно с таким отношением к нажитому им тяжелым трудом и кровью, и может возникнуть конфликт «отцов» и «детей» со всеми вытекающими для общества тяжелыми последствиями. Итак, конфликт поколений — явление содержательное, а не формальное. Суть конфликта в первую очередь не в том, в каких формах и каким способом передается эстафета поколений (хотя будем помнить, что форма содержательна, а явление — существенно), а в духовном содержании этой эстафеты.

История государства русского полна внутренними конфликтами и военными противостояниями. Но это были конфликты не поколений, а ссоры внутри властвующих — княжеских и других вельможных семей и между ними. Это была борьба и война за власть, территории и население, это был спор по поводу средств и методов достижения целей и задач развития российского государства, но не содержания духовной эстафеты. Содержание духовной эстафеты как совокупности базисных идей (объединение Руси и славян, освобождение православных, расширение национальных границ и поиски выходов к морю, подчинение окраин, усиление царской власти, проповедь идеи о Руси как о Третьем Риме, православие как духовная основа жизни русской нации и др.) не изменялось от поколения к поколению в течение нескольких столетий. Эти идеи цементировали отношения «отцов» и «детей», всю русскую нацию, все российские народы, лежали в основе создания русской и российской культур.

Однако последующая история России с начала XVII в. и по нынешний день сопровождалась практически не прекращавшейся, то, казалось, затухавшей, то вновь набиравшей в обществе силу борьбой по поводу именно духовных начал жизни. Эта борьба выливалась то в начинавшиеся реформы, которые никому из реформаторов не удавалось довести до конца, то в перевороты и революции (1905 г., 1917 г., 1991 г.), из которых ни одна также не была доведена до конца. На протяжении всех этих трех столетий в роли разносчиков новых социальных идей, зачинателей перемен и создания всевозможных общественно-политических кружков и организаций были молодые люди, в том числе их большие группы, осознавшие свои особые, специфические интересы и цели, призывавшие сверстников к объединению и создававшие для этого свои молодежные организации.

Пробежимся по нашей истории, по хорошо известным всем событиям и именам, обращая внимание всего на два факта: возраст центральных фигур и роль, которую они исполняли — поддерживали традицию и прежний образ жизни или выступали против них.

Впервые особая роль молодежи в российской истории резко проявилась во времена реформ Петра I. Не просто молодым, а юным был сам царь, начавший самостоятельно править государством в 17 лет. В подавляющем большинстве молоды были его соратники — «птенцы гнезда Петрова». Молодые люди были в первых рядах борцов за новое, поддерживали монарха. Но дело, конечно, не только в возрасте реформаторов. Главное в том, что впервые молодежь покушалась на духовные основы Московской Руси. Поколеблено было православие и церковь, которая перестала служить единственной и высшей духовной инстанцией. Европеизация, составлявшая смысл Петровских реформ, знаменовалась проникновением в русскую культуру западной философии, западной науки и литературы, западной политики, западных манер поведения и одежды, западных языков и т. д.

Впервые в истории России по всем линиям жизни общества разразился конфликт поколений. «Отцы» отстаивали духовные ценности Московской Руси, «дети» выступали за europeization. В молодежной среде возникло презрение к национальным формам жизни. Свое, родное, русское стало для молодых смешным, все иностранное, наоборот, восхищало. На лицах «отцов» исчезли бороды, а вместе с бородами — и уважение «детей» к прошлым деяниям, к русской истории. Началось шатание всего и вся, продолжавшееся затем добрых два столетия.

Тем не менее очевидным результатом этого шатания как следствия Петровских реформ стало возникновение в России нового высшего общественного слоя — русского дворянства, составлявшего главную опору Петра. Заслугой этого дворянства явилось создание русско-европейской культуры: европейской по форме, русской по содержанию.

Не будем сейчас рассуждать о том, хороши, планомерны и удачны или, наоборот, плохи, спонтанны и неудачны были Петровские реформы. Существуют разные точки зрения. Одни историки поют Петру исключительно гимны, другие видят в нем крайнего честолюбца, который ради достижения своих внешнеполитических целей уничтожил множество людей, довел страну до крайнего разорения и разрухи. Речь о другом.

Со смертью Петра I основные идеи его реформ не умерли. Новые поколения молодежи XVIII в. горячо поддерживали складывающийся новый образ жизни. И прежде всего это относится опять-таки к молодому дворянству, которое распространяло новые западные идеи (республиканство, конституционность и т. п.), религиозный скепсис. Русские европейцы первой половины XVIII в. передали духовную эстафету своим детям — русским вольтерьянцам екатерининских времен, а те — масонам эпохи Александра II.

Из масонов вышли декабристы — за исключением единиц сплошь молодые дворяне, главным образом участники Отечественной войны 1812 г. Из 121 осужденного по делу о восстании 14 декабря 1825 г. (к следствию было привлечено 579 человек) лишь 12 человек было в возрасте 34 лет, большинство же не достигло 30 лет. Организации декабристов (Союз спасения, Союз благоденствия, созданные в 1816-1821 гг.) можно считать первыми по возрастному составу молодежными организациями. И хотя они преследовали совершенно «взрослые» цели, отметим, что идеи свободы и освобождения русского народа от самодержавия возникли в молодых умах и душах, которым свойственны размышления о возвышенных идеалах, служении великим целям.

Отметим также, что движение декабристов возникло в России главным образом под влиянием просветительской деятельности и западноевропейских политических идей и в этом смысле было продолжением реформ Петра Великого. Оно объединяло блестяще образованную дворянскую молодежь, одушевленную бескорыстными общественными стремлениями.

Возникнув в 20-х годах XIX столетия, это движение носило не столько сословный, сколько идейный характер, ибо его задачи выходили далеко за рамки интересов только дворянства. Декабристы стояли за отмену крепостного права, демократическую республику или конституционную монархию с федеративным устройством.

Конечно, декабристы могли совершить в лучшем случае дворцовый переворот, но не народную революцию. Огромное большинство русского народа находилось на положении рабов у русских же людей. Это был уникальный случай в истории человечества. Ибо рабы во все времена составляли меньшинство в любом обществе и были людьми чужой крови. В античные времена и позднее в восточных странах это были побежденные иностранцы, в Америке рабами были негры, купленные в Африке. В России, особенно с введением крепостного права, рабами кучки знати был весь русский народ.

Декабристы — молодые люди — были первыми, кто не только осознал неестественность, фантастичность и опасность для будущего России такого положения дел, но и выступил против этого с оружием в руках. Понимая невозможность успеха своего опасного политического заговора, они сознательно шли на гибель ради только одного нравственного примера для многих. «Пушки Исаакиевской площади, — писал А. И. Герцен, — разбудили целое поколение» (Герцен, 1958а: 140).

На декабристах заканчивается период ученичества русско-европейского общественного сознания. Произошел духовный разрыв между «отцами», которые были по преимуществу консервативны, в лучшем случае числили себя либералами, и «детьми» — нигилистами, атеистами, демократами, прогрессистами, народниками, социалистами и марксистами. С каждым поколением разрыв между

«отцами» и «детьми» увеличивался. Молодежь не понимала «стариков» и не хотела их понимать, становилась наследственно революционной.

После разгрома декабристов роль высшего дворянского слоя как основного носителя западноевропейской культуры, реформистских и революционных идей в России надо считать исчерпанной. Общественное движение в сторону перемен стало все более демократизироваться по своему составу, обретать все более широкую социальную базу, проникать во все более широкие слои населения.

Просвещение и образование перестали быть привилегией только высшего класса и дворянства, уже коснулись народа. Следствием этого стало постепенное возникновение еще одного нового общественного слоя — разночинной интеллигенции, состоявшей из наиболее способных представителей низов. Естественно, что это была исключительно молодежь, гордившаяся своей образованностью и своим атеизмом, но обозленная на высший свет и дворянство уже потому, что не имела доступа в эту среду, а главное, потому, что не получила достаточных гражданских прав и была отрезана от власти. Тем самым интеллигенция обрекалась на революционность. Ей ничего не оставалось, как ненавидеть власть имущих, стремиться к свержению самодержавного строя.

Нарождающийся капитализм требовал все больше образованных людей, и это делало интеллигенцию быстро расширяющимся слоем — расширяющимся опять-таки исключительно за счет молодежи и прежде всего студенчества. Уже не столько дворянская, а интеллигентская молодежь выдвигалась в первые ряды революционного движения. Слова «студент» и «революционер» становились синонимами.

При этом интеллигенция стремилась передать свои революционные идеи «простому» народу — рабочим, крестьянам, увлечь за собой молодежь из высшего класса. Одним словом, именно интеллигенция (читай: молодежь) формировала революционное движение.

Научный социализм Маркса еще не упал на российскую почву. В ходу были главным образом идеи Оуэна, Фурье, Годвина, Морелли, Дезами, Симона, Прудона, Луи Блана и других социалистов-утопистов. Городская интеллигентская молодежь, и прежде всего студенты, становились приверженцами радикальных учений, стремились просветить народ. Создавались добровольные воскресные школы, в которых молодые учителя, студенты и старшие гимназисты учили своих сверстников и взрослых, организовывались кассы взаимопомощи, устраивались библиотеки, распространялись цензурные книжки по пониженным ценам.

Это вовсе не случайно. Молодежь находилась в смятении, в состоянии раздвоенности, крайней неудовлетворенности, разочарования, сознания неотвратимости надвигающейся катастрофы. Умы и души молодых жаждали перемен, были устремлены в будущее. Общество было в разломе, его «анатомия» была обнажена и не могла не вызывать интереса у сильных и любопытствующих умов. Литература отражала то, что происходило с молодежью, истолковывала и объясняла то, чем и как она жила. Пророчествовала. Литература была историей и философией общественной жизни.

В 37 лет ушел из жизни А. С. Пушкин — близкий к декабристам, дважды подвергавшийся ссылке, — оставив созданный им в совсем молодом возрасте образ Евгения Онегина, который выражал не только внутренний кризис русского общества, но был также носителем модных западноевропейских теорий и настроений. В 27 лет погиб Лермонтов, творчество которого питали разочарование в действительности и тоска по свободной личности, мотивы разлитого в обществе нигилизма и неудовлетворенности. Он оставил образ «героя» своего времени, загадочный и печальный образ Печорина. С не меньшим правом, чем Онегин и Печорин, героем «того» времени был Чацкий 29-летнего Грибоедова, который находился под следствием по делу декабристов. Самые глубины социального нутра России раскрыты в сатирических романах и бытовой комедии Гоголя, а также в романах Гончарова и Тургенева, среди которых «Обрыв», «Отцы и дети» написаны прямо о молодежи.

А были еще Чаадаев, Толстой, Чехов, Лесков, Некрасов, Мережковский, Бунин. Был Достоевский — пророк будущего России до наших дней, участник кружка М. В. Петрашевского, приговоренный к

смертной казни за революционные убеждения и впоследствии от них отказавшийся, он увидел «бесов» и «бесовщину», массовое революционное хамство будущего...

А были еще писатели-публицисты, которые вслед за Некрасовским вопросом «Кому на Руси жить хорошо?» поставили логически последовательные вопросы: «Кто виноват?» (Герцен) и «Что делать?» (Чернышевский).

Отец «русского социализма» Герцен, организовавший в Лондоне первую свободную русскую типографию вместе со своим другом Н. Огаревым, создавший газету «Колокол» и журнал «Полярная звезда» и пропагандировавший в них освободительные от абсолютной монархии идеи, имел такое огромное влияние на общественное мнение, такое воздействие на умы молодежи, которое в то время не имел ни один писатель. Не зря Герцена называли «русским Вольтером».

Именно Огарев и никто другой написал и в №102 герценовского «Колокола» 1 июля 1861 г. опубликовал статью «Что нужно народу?», которая рассматривалась как программа будущего тайного общества. И такое общество — «Земля и воля» — позднее было создано. Эта программа служила основой организации общественных сил в народе, среди интеллигенции и в армии, в подготовке восстания.

Решающее влияние на развитие революционного сознания российской молодежи своими произведениями оказали Добролюбов, умерший от чахотки в 1861 г. в возрасте 24 лет, и Чернышевский, которому в момент создания их знаменитого журнала «Современник» было 28 лет.

Влияние Чернышевского, который стал известен с 25-летнего возраста, на умы молодежи было громадно и оставалось таковым в течение всех 1860-1870-х годов. В лице Чернышевского российское революционное движение имело острого критика буржуазной политэкономии и пропагандиста социалистических идей. Именно Чернышевский выдвинул на первое место среди всех социальных проблем вопрос о крестьянском землевладении, и это послужило исходной точкой для всех революционных программ начала 1860-х годов, в том числе и земельной реформы. Именно в своей знаменитой книге «Что делать?» Чернышевский дал революционной молодежи программу нравственных принципов и борьбы за преобразование общества, познакомил ее с запрещенными в то время западноевропейскими идеалами, атеизмом и достижениями естественных наук. Молодежь зачитывалась произведениями Чернышевского и считала его своим учителем.

Для того чтобы судить о влиянии Н. Г. Чернышевского на умонастроения учащейся молодежи, необходимо сопоставить его отношение к характеру ближайших событий с отношением к ним А. И. Герцена. В то время когда Герцен продолжал успокаивать сознание молодежи либеральными теориями мирного разрешения всех противоречий жизни и «во имя прогресса» призывал молодежь «идти в народ», Чернышевский призывал ее на путь революционной борьбы. Схожей точки зрения придерживался автор письма к Герцену, скрывшийся под псевдонимом «Русский человек»¹: «Не увлекайтесь, — писал он, — толками о нашем прогрессе, мы все еще стоим на одном месте; во время великого крестьянского вопроса нам дали на потеху, для развлечения нашего внимания безыменную гласность; но чуть дело коснется дела, тут и прихлопнут. <...> Нет, не обманывайтесь и не вводите в заблуждение других, не отнимайте энергии, когда она многим пригодилась бы. <...> Нет, наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет! Эту мысль уже вам, кажется, высказывали, и оно удивительно верно, другого спасения нет. Вы все сделали, что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, перемените же тон, и пусть ваш "Колокол" благовестит не к молебну, а звонит набат! К топору зовите Русь. Прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царей. Не вам ее поддерживать»

Такая резкая отповедь вызвана была наметившимся к этому времени разграничением политической мысли в среде самой разночинной интеллигенции. Пестрая по своему классовому составу, она была неоднородной в выборе методов борьбы. Если одна часть интеллигенции — преимущественно выходцы из дворянского сословия — свое служение «народному благу» рассматривала как стремление прийти на помощь трудовому люду запасом своих собственных знаний, огромными массами устремлялась во вновь открываемые воскресные школы, где и «обучала народ», то другая часть — преимущественно

представители неимущих классов, — наоборот, видела выход из создавшегося экономического и политического тупика не в мирных началах, а в методах организации революционных сил для предстоящей политической борьбы с властями. Это тактическое расхождение в среде разночинной интеллигенции лучше всего выразил сам Герцен. Отвечая на письмо «Русского человека», Герцен писал: «Мы расходимся с вами не в идее, а в средствах; не в началах, а в образе действия. Вы представляете одно из крайних выражений нашего направления; ваша односторонность понятна нам, она близка нашему сердцу; у нас негодование так же молодо, как у вас, и любовь к народу русскому так же жива теперь, как в юношеские лета. Но к топору, к этому *ultima ratio* (последнему доводу. — И. И.) притесненных, мы звать не будем до тех пор, пока останется хоть одна разумная надежда на развязку без топора»

Таким образом, вопрос о «топоре» сводился главным образом к вопросу о методах революционной борьбы, к тому, должна ли Россия пойти по пути революционной борьбы со всеми вытекающими отсюда последствиями кровавого восстания, или она без всяких кровавых потрясений, путем длительной эволюции общественных форм, сама собою выйдет наконец к социалистическому укладу жизни.

Рассуждая о роли молодежи в политических процессах тех лет, не забудем умершего в 28 лет Писарева с его проповедью идеи гражданского долга и общественной солидарности, с его наивной и напрасной верой в то, что мир можно пересоздать путем личного умственного развития и популяризации научного знания...